

нарастание политической нестабильности, вероятность распространения феномена “арабской весны” в республике.

Докладчики, принявшие участие в работе секции “Страны Африки южнее Сахары в эпоху глобализации: проблема сохранения культурной идентичности” (блок “Религия и культура”), руководитель К.А. Панцеров (СПб.ГУ), отмечали противоречивое влияние, которое оказывают процессы глобализации на африканское общество в различных областях: образовании, информационной сфере и искусстве. Странам Африки сложно рассчитывать на равноправную интеграцию в глобальное мировое информационное пространство и отстоять свою культурную идентичность в информационном веке. *И.В. Чернов* (СПб.ГУ) рассмотрел ситуацию в Северной и Центральной Африке, которые стали местом встречи Запада и Востока, франкофонии и ислама. Такая встреча происходит и в самой метрополии, где иммигранты из африканских мусульманских стран и их потомки играют всю более важную роль и становятся все многочисленнее.

На секции “**Политика религиозной идентичности в Африке: новые перспективы**”, руководитель Н.П. Девир (США), было заслушано семь выступлений. Ученые из Франции *Д. Орельен* и *В. Эртриш* поделились результатами полевого исследования в Мали, целью которого было установить религиозную идентичность жителей сельских районов. Причины роста межрелигиозной напряженности в Кении стали темой доклада *С.А. Рагозиной* (НИУ ВШЭ). *Т.А. Адем* (США) посвятил выступление проблемам мусульманской общины Эфиопии.

Африканский кинематограф как одна из новых мировых киношкол стал предметом исследования на секции, возглавляемой А.А. Архангельской и Д.А. Зеленовой (ИАФР РАН). Участники секции “**Понимание социальных и политических перемен сквозь призму изменений в популярной музыке**”, руководитель Д.К. Мартин (Франция), затронули политическую и социальную критику в современной музыке Кот-д’Ивуара, Уганды и Нигерии, исламскую поп-музыку в Мали, афро-кубинскую музыку и негритюд в Сенегале.

В более чем в 30 выступлениях участников “свободных секций”, руководители Т.М. Гавристова (Ярославль), А.Е. Акенадзе (Катар), отразилось многообразие научных исследований в современной африканистике: в работе секции приняли участие историки, антропологи, социологи и экономисты. Сопоставление различных научных подходов позволило обогатить анализ заявленной проблематики.

Итоги работы конференции подвел председатель ее оргкомитета акад. РАН *А.М. Васильев*. Отметим высокий уровень конференции *Н.М.Х. Халафалла* (Судан), *Ж.А. Ямоние* (Бенин), *С. Макгетланенг* (ЮАР), *Р. Урселли* (Италия) и *К. Готтшалк* (ЮАР). Конференция в очередной раз подтвердила свой статус одного из главных форумов российских и зарубежных африканистов по комплексному обсуждению проблем Африки и продемонстрировала растущий интерес в России и мире к Африке.

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО УЙГУРОВЕДЕНИЮ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

© 2015

Д. Д. ВАСИЛЬЕВ, С. В. ДМИТРИЕВ

25–27 сентября 2014 г. в Вашингтоне прошла **Первая международная конференция по уйгуроведению** (First International Conference on Uyghur Studies), организованная Институтом европейских, российских и евразийских исследований (Institute for European, Russian and Eurasian Studies, IERES), Школой международных отношений им. Ллойда Эллиотта (Elliott School of International Affairs) – подразделением Университета Джорджа Вашингтона (George Washington University). В конференции приняли участие около 40 ученых из США, России, Франции, Великобритании, Турции, Казахстана, Австралии, Германии, Кыргызстана, Таджикистана, Швеции и Тайваня. Российская делегация была представлена учеными из ИВ РАН, Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул), Норильска. Конференция была организована на высоком научном и техническом уровне¹ – был подготовлен сборник тезисов докладов на русском

¹ Российская делегация со всей искренностью благодарит за огромную проделанную работу по организации конференции, самоотверженность и гостеприимство профессора Марлен Ларюель (Marlene Laguelle), руководителя Центральноазиатской программы (Central Asia Program) IERES. Без ее энергии конференция бы не состоялась.

и английском языках², обеспечен синхронный двухсторонний англо-русский перевод, а также перевод с уйгурского и турецкого языков, на которых выступали некоторые докладчики.

Работа конференции открылась двумя “круглыми столами”, посвященными актуальным проблемам уйгурского народа в современной политике и геополитике. В них участвовали *Шон Р. Робертс* (Ун-т Дж. Вашингтона), *Майкл Диллон* (независимый ученый, ранее директор Центра современного Китаеведения в Ун-те Дарема, Великобритания), *Гарднер Бовингтон* (Ун-т Индианы в Блумингтоне, США), *Хенрик Задзиевски* (Уйгурский проект по правам человека, США), *Кылыч Канат* (Ун-т штата Пенсильвания, США), *Дрю Глэдни* (Ин-т Тихоокеанского бассейна Помонского колледжа в Клермоне, Калифорния, США), *Джеймс Миллард* (Джорджтаунский ун-т, США), *В.А. Бармин* (Алтайская гос. пед. акад., Барнаул, Россия), *Юнус Коч* (директор Ин-та тюркологии Ун-та Хаджеттепе в Анкаре, Турция). Были затронуты многие политические, экономические, демографические, социальные и культурные проблемы современного уйгурского общества. По мнению выступавших в рамках “круглых столов”, все эти вопросы требуют самого пристального внимания как международного сообщества, так и академических кругов.

Первая сессия докладов “**Социальные связи уйгуров, идентичность и борьба**” открылась сообщением *М. Диллона* “Религия, репрессии и традиционная уйгурская культура в южной части Синьцзяна: Кашгар и Хотан (2010–2014)”. История и культура Южного Синьцзяна (Наньцзяна) в основном схожа с остальной частью региона, но есть ряд причин, по которым его следует рассматривать как обособленный район: своеобразие исторического развития, большое расстояние до Урумчи – главного центра власти в северном Синьцзяне, бедность и социальные трудности, а также более высокая доля уйгуров.

В Кашгаре находятся мечеть Идгах и мазар Аппак-Ходжи – некогда традиционные центры исламской власти и места проведения религиозных обрядов, впоследствии ставшие туристическими достопримечательностями. Религиозная практика в городе сохраняется, но явно не демонстрируется и осуществляется в мечетях в бедных районах, многие из которых исчезают при реализации программы сноса и заменяются мечетями современного дизайна, которые, как считают многие уйгуры, не вписываются в их традиции религиозной архитектуры. Напротив, в Хотане вероисповедание более свободное, чем в Кашгаре, о чем свидетельствует ежегодное чествование мазара Имама Асима. Праздник не признавался китайскими властями, но на самом деле он остается главным религиозным событием в оазисе.

Начиная с лета 2011 г. и в Кашгаре, и в Хотане происходят столкновения. Причины насилия неясны и остаются предметом спора, но после годовщины беспорядков в Урумчи в июле 2009 г. наблюдаются случаи задержания без суда многих молодых мужчин-уйгуров, попытки запретить женщинам носить черные платки и одевания, конфискация сельскохозяйственных земель в целях восстановления почвы. С 2011 г. отдельные вспышки насилия и сопротивления продолжались в городах и деревнях в окрестностях Кашгара и Хотана и в префектуре Аксу. Они сопровождалась “террористическими” атаками в Урумчи, Пекине и Куньмине.

Доклад *Н. Лайма* (Ун-т Упсалы, Швеция) был посвящен уйгурским социальным сетям и китайской цензуре, прежде всего закрытию в 2009 и 2010 гг. двух крупных китайских сайтов Fenbei.com и 163888.com. В докладе был проанализирован материал, собранный с этих сайтов до 2009 г., исследована характерная выразительная культура персональных страниц. Были изучены социальные связи между участниками, проведено сравнение с подобными личными страницами ханьцев. Ведется изучение иных сайтов и онлайн-сообществ, которые могут заменить эти два сайта в качестве средства личного самовыражения уйгурской молодежи.

Р. Касме (Ун-т Мишеля Монтеня, Бордо, Франция) выступил с сообщением “Уйгурский ислам и государственный контроль в Синьцзяне”. Не имея достаточной поддержки со стороны религиозных элит, после 1949 г. Коммунистическая партия Китая не могла полагаться на уйгурское духовенство в той степени, в какой она полагалась на дунганских мулл в том, чтобы полностью нейтрализовать споры о примате государственной идеологии над религией. С помощью “юридического закрепления” религиозной деятельности были установлены новые правила, направленные на искоренение любой “подрывной” деятельности в уйгурских мечетях и коранической системы обучения. Китайское правительство столкнулось с проблемой подготовки религиозных кадров, когда получившая религиозное образование, например в Египте, молодежь оказалась гораздо более осведомлена в вопросах культа, чем подготовленная в учебных заведениях Китая.

² В данном отчете использованы русские тексты, подготовленные для этого сборника организаторами конференции.

Доклад *Ш.Р. Робертса* был озаглавлен “Уйгурстан – там, где находится дом. Система самоуправления и поддержание уйгурской национальной идентичности без государства”. Основываясь на полевых исследованиях, проведенных в Казахстане в конце 1990-х гг., автор утверждал, что уйгуры стремятся сохранить свою национальную идентичность и общность путем создания локальных социальных пространств. В Казахстане в 1990-е гг. социальные пространства были созданы в этнических районах, или *махалля*, в подавляющем большинстве населенных уйгурами, и имели собственные неформальные структуры управления, а также производственную специализацию, занимая отдельную нишу в системе распределения труда, производя некоторые специфические продукты сельского хозяйства. Тем самым уйгуры продемонстрировали, что они способны уклониться от “системы управления” государств, в которых они живут, и воспроизвести коллективные идеалы, которые объединяют их как нацию и укрепляют устойчивость их идентичности. Разумеется, местные проявления уйгурского “самоуправления” существенно различаются.

Сообщение *Р. Харрис* (Школа восточных и африканских исслед., Лондонский ун-т) было посвящено уйгурскому *машрапу* в современных условиях. После того как в 2010 г. уйгурская церемония “машрап” была занесена в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, она приобрела известность в общественной жизни СУАР. Термин “машрап” можно перевести как “торжественные мероприятия, собрания”, но он включает и ряд специфических практик, характерных для различных местностей: включает ритуалы, исполнительское искусство, особенно музыку и танцы, религиозное обучение и застолье. Уходя корнями в традиции гостеприимства и взаимовыручки, машрап укрепляет связи внутри общины и поддерживает соблюдение местного морального кодекса. В 2012 г. машрап стал особенно популярен в регионе: музыкальные и танцевальные ансамбли Синьцзяна исполняли машрап для телевидения, вышло несколько научных публикаций на уйгурском и китайском языках, а в книжных магазинах продавались наборы DVD-записей машрапов. Однако как будто существующая государственная поддержка нередко оборачивается борьбой с машрапами в уйгурских сельских общинах, где эти собрания часто квалифицируются как “террористические сходки”.

Сессия “**Синьцзян под китайским влиянием**” открылась докладом *Г. Бовингтона* о новой национальной политике в Китае. После прихода к власти в 1949 г. КПК в построении национальной политики ориентировалась на опыт Советского Союза. В отличие от Гоминьдана, провозглашавшего политику ассимиляции, коммунисты признавали наличие этнических различий и представляли некоторые политические права этнонациональным группам, тем не менее надеясь, что со временем, на пути к построению коммунизма, различия исчезнут. Уйгуры, тибетцы и другие не-ханьцы по-прежнему привержены своим языкам и культурам и сопротивляются ассимиляции ханьским большинством. Ряд китайских ученых предложили сменить курс на более настойчивое поощрение ассимиляции и принять новую политику для достижения этой цели, напоминающую курс Гоминьдана до 1949 г. Однако эта политика скорее всего неспособна решить политические проблемы Синьцзяна и Тибета и, напротив, только усугубит их.

Ши Цзяньюй (Ун-т Цзяньсин (健行科技大學, Chien Hsin University of Science and Technology), г. Чжунли, Тайвань) выступил с докладом “Очередной раунд борьбы за власть: текущие дебаты по поводу этнической политики в Синьцзяне”. Продолжающиеся споры об этнической политике среди научных и политических кругов в Пекине позволяют выделить три группы: консерваторов, национальных конструктивистов и региональных автономистов. Конструктивисты ратуют за жесткость китайской этнической политики, предлагают устранить многонациональную классификацию и сфокусироваться на создании единого китайского национального государства. Консерваторы и китайские националисты выбрали единую позицию, чтобы противостоять ортодоксальным национальным региональным автономистам. Опираясь на конституцию, региональные автономисты пытаются опровергнуть аргументы консерваторов и конструктивистов, но их предложения по созданию национальной региональной автономии в Синьцзяне не были приняты китайскими властями.

Сообщение *Дж. Смит* (Ун-т Ньюкасла, Великобритания) было посвящено “Национальной программе партнерской помощи” – новой экономической политике КНР в СУАР. Аналогичная программа, объявленная для тибетских регионов, означает, по мнению китайского руководства, что экономическое развитие в неспокойных периферийных регионах сможет сгладить этническую напряженность. “Национальная программа партнерской помощи” с участием 19 провинций и муниципалитетов внутреннего Китая, как ожидается, обеспечит финансовую поддержку и наименее развитым южным районам Синьцзяна, населенным в основном уйгурами. Тем не менее до сих пор только один аспект этой политики – увеличение минимальной ежемесячной

зарплаты – был одобрительно встречен местным населением. Другие инициативы воспринимались как направленные на благо ханьских мигрантов, пытающихся вырваться из перенаселенного внутреннего Китая и выйти на новые пространства.

Кылыч Канат прочел доклад об использовании “войны с террором и радикализмом” в качестве отвлекающей стратегии, направленной на то, чтобы обвинить конкретные группы в текущих проблемах страны.

К. Абрамсон, независимый исследователь из США, выступила с докладом о проблемах борьбы за права человека в Синьцзяне. В последние годы эта тема привлекает к себе пристальное внимание международного сообщества, но для сбора достоверной информации в СУАР существует множество препятствий. Опираясь на источники в Синьцзяне и материалы по международному праву в области прав человека, докладчица рассмотрела ряд факторов, мешающих или, напротив, способствующих пониманию ситуации с правами человека в Синьцзяне.

Второй день конференции начался с сессии **“Изменения уйгурского языка и ландшафтов”**. С сообщением о проблемах уйгурской демографии, по данным переписи населения 2010 г., выступил *Ст. Тунс* (Ун-т Майами, Огайо, США). Он отметил, что в Синьцзяне проживает 21 820 000 человек (перепись 2000 г. зарегистрировала 18 460 000 человек). Средний возраст населения Синьцзяна ниже, чем в других частях Китая; особенно молодо население южного Синьцзяна. На юге преобладают национальности миньцзу/миллет, на севере – казахи. При анализе данных предыдущей переписи становится ясно, что население стареет, а число городских жителей растет.

Доклад *А. Двайер* (Ун-т штата Канзас, США) был посвящен уйгурскому языку диаспор. В то время как уйгурская языковая территория сокращается под давлением доминирующих языков (китайский, русский, английский), среди уйгурских элит разгорается спор о чистоте языка. В некоторых диаспорах ведутся активные усилия по “очищению” уйгурского языка от следов китайского. Одна из диаспор – американская – владеет медиа-ресурсом и поэтому обладает большим идеологическим влиянием. Эти процессы рассматриваются через три призмы: диглоссии, языкового пуризма и китаизации. Репортажи и интервью показывают, что “чистота” уйгурского языка может сохраняться даже с заимствованиями из других языков, таких как русский и английский, но не из современного китайского.

Дж. Кабрас (Нац. ин-т восточных языков и культур, Франция) выступила с сообщением о “переклочении” уйгурско-китайского языкового кода в городских районах Синьцзяна. В многоязычных обществах языки и языковые привычки отражают этнические отношения, социальные изменения и культурное взаимодействие. Уйгурский – язык меньшинства – испытывал влияние языков, с которыми был в контакте на протяжении всей своей истории, таких как арабский, персидский, русский и китайский. Последний только недавно стал основной частью языка уйгуров. Городские районы в Синьцзяне в настоящее время испытывают значительные изменения в демографии и лингвистическом ландшафте, следовательно, в языковых привычках. Китайцы составляют большинство в некоторых городах Синьцзяна, и уйгурский язык уступает место китайскому, чаще используемому в общественной сфере – администрации, СМИ и образовании, что происходит из-за китайско-ориентированной языковой политики, направленной на распространение стандартного языка как инструмента социально-экономического развития.

В исследовании были использованы данные, собранные автором в Урумчи в 2013 г.: этнографические наблюдения о языковых привычках и этнических отношениях, полевые заметки о беседах между уйгурами, аудиозаписи. Уйгурский в настоящее время меняет лексику: уйгурские и русские слова заменяются китайскими. Использование китайской лексики в уйгурской неформальной речи, безусловно, является результатом сильного культурного и языкового контакта между двумя общинами и может считаться признаком распада уйгурского языка.

Сообщение *Э. Эмета* (Ун-т Анкары, Турция) также было посвящено влиянию китайского языка на уйгурский. Уйгурский язык в отличие от большинства других языков этнических меньшинств в современном Китае смог сохранить свои позиции и широко используется носителями в обиходной и литературной формах. Однако начиная с 2000-х гг. уйгурский язык стал сдавать свои позиции доминирующему китайскому. Важную роль в этом процессе сыграло введение в 2003 г. “двуязычного” образования.

Ж.-П. Люб (Школа архитектуры Париж–Ла-Виллет) рассказал о трансформации оазисных городов в Синьцзяне на примере Кашгара. Стратегия китайских проектировщиков состояла в том, чтобы перенести картину “правильности китайского города” на города вдоль северных маршрутов (например Турфан) и южных маршрутов Такла-Макана (таких как Яркенд или Хотан).

Старинный центр Кашгара являлся одним из последних районов города, который избежал полного уничтожения и сохранял до недавнего времени характерные черты уйгурской архитектуры. С 2010 по 2012 г. повсеместный снос старого города стал исключительным примером разрушения в мирное время. В 2013 г. началась реконструкция города. Она включает в себя восстановление внешне идентичного оригинального ландшафта, разрушенного в предыдущие годы, постройку точных копий уничтоженных зданий. Так китайский и международный туризм обеспечивает себе алиби в уничтожении последнего города, бывшего примером долгой истории уйгурского урбанизма.

Сессию, посвященную уйгурам постсоветской Средней Азии, открыл докладом *А. Камалов* (Ин-т востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алма-Ата, Казахстан). Для уйгурских меньшинств постсоветских стран Центральной Азии идея “родины” (Ватан) обнажает сложные отношения с родиной – Восточным Туркестаном/Синьцзян-Уйгурским автономным районом. Дискурс о родине среди казахстанских уйгуров приобрел новые размеры после распада Советского Союза. В советское время уйгурам было свойственно чувство “советскости”, которое поощрялось государственной идеологией и пропагандой: “прогрессивность” и “достижения” особенно подчеркивались советской пропагандой в противовес “отсталости” уйгуров Китая. Советская идентичность уйгуров начала фрагментироваться с середины 1950-х гг., когда крупномасштабная миграция уйгуров из Синьцзяна в советскую Среднюю Азию и Казахстан привела к образованию двух подгрупп – “йерлик” (местных жителей) и “китайлик” (прибывших из Китая). В то время как официальное восприятие родины подразумевало Советский Союз и отражалось в названиях газет на уйгурском и казахском языках, издававшихся для читателей Синьцзяна – “Ватан” и “Отан”, обе группы по-разному воспринимали то, что является родиной. Новые иммигранты из Восточного Туркестана/Синьцзяна имели родственников за государственной границей и с конца перестройки стали восстанавливать свои связи с родиной, в то время как для местных уйгуров Восточный Туркестан был абстрактной “исторической родиной”. С распадом Советского Союза и ростом китайского влияния в Центральной Азии уйгуры стали по-новому смотреть на отношения со своей исторической родиной – Восточным Туркестаном и заново открыли свою сопричастность уйгурской нации. В то же время они обнаружили свое отличие от этнических собратьев в Синьцзяне и близость к народам Центральной Азии.

Х. Хамраев (президент международного уйгурского ПЕН-центра, Казахстан) выступил с сообщением “Уйгурская диаспора Казахстана в период с распада СССР до создания ШОС”. Обретение Казахстаном в 1991 г. независимости явилось мощным толчком и стимулом для уйгурской диаспоры. Общественные объединения, существовавшие до этого времени, активизировались. Наряду с ними появились новые уйгурские организации, которые решительно проявляли свою позицию относительно изменения положения уйгурского населения не страны проживания – Казахстана, а исторической родины – СУАР. Наиболее массовым уйгурским объединением на территории Казахстана в тот период была Организация освобождения Уйгурстана, созданная в июне 1992 г. Более радикальным движением стал Национальный революционный фронт Восточного Туркестана. Между тем единственной уйгурской общественно-политической организацией, получившей государственную регистрацию в сентябре 1992 г., была Межреспубликанская ассоциация уйгуров. Уйгурская диаспора целенаправленно ведет борьбу за достижение независимости СУАР мирными средствами.

Доклад *Г. Майтдиновой* (Российско-Таджикский/Славянский ун-т, Душанбе, Таджикистан) был посвящен истории и современному положению уйгурской диаспоры Таджикистана. На судьбе таджикских уйгуров отразились все сложные политические процессы начала XX в., когда многие уйгуры вынуждены были остаться в Средней Азии, осознавая при этом свою принадлежность к уйгурскому народу. Современные уйгуры – носители двух культурных традиций – восточноиранской и тюркской. В их материальной и духовной культуре много общих черт с традициями народов постсоветской Центральной Азии.

Сессия “Уйгуры в многонациональных империях” проходившая под председательством независимого исследователя из США *Набиджана Турсуна*, когда-то выпускника аспирантуры ИВ РАН, открылась докладом *Ю.И. Дробышева* (ИВ РАН, Москва) “Некоторые особенности взаимоотношений между Уйгурским каганатом и Китаем”. Уйгурский каганат (744–840) существенно отличался от других кочевых империй Центральной Азии в сферах экономики, идеологии и внешней политики. Обычной практикой всех кочевников были нападения на китайские границы, а каганат имел относительно мирные отношения с Китаем. Что было причиной этой “гуманности”, несвойственной кочевникам Великой степи? В отличие от других кочевников,

соседствовавших с Китаем и вымогавших различные “подарки”, уйгуры требовали только шелк. Они получали его и в качестве контрабанды, и в виде приданого китайских принцесс, отданных в жены каганам. Часть шелка они оставляли себе, а основной поток шел на запад через согдийских купцов. Уйгуры были заинтересованы в целостности Китая как сильного центра. Они не были оригинальны в своей китайской политике, но следовали ей постоянно. Среди причин относительно мирных отношений между уйгурами и Китаем могло быть благоприятное сочетание внутренних и внешних факторов: во-первых, слабость династии Тан, вынужденной поставлять уйгурам евразийскую “валюту” средневековья – шелк, и, во-вторых, сильное культурное влияние согдийцев.

А.Ш. Кадырбаев (ИВ РАН, Москва) выступил с сообщением об уйгурах в монгольских империях XIII–XIV вв. Историческая роль средневековых уйгуров определилась еще до монгольских завоеваний. При Чингисхане уйгуры открыли монголам секрет средневековой уйгурской письменности, этого важного инструмента государственной организации, давшего ключ к развитию в то время тюркской культуре. Уйгурская письменность, принятая Чингисханом, обеспечила функционирование монгольского языка в течение столетий, вплоть до 20-х гг. XX в. Влияние уйгуров оказалось заметным не только из-за уйгурского письма, которое было “ханьским” и использовалось не только Китае, но и в Персии, Азербайджане, Афганистане. Многие уйгуры, а точнее часть их правящей верхушки, приняли христианство несторианского толка еще в начале XII в. от сирийцев. В значительной степени именно от уйгуров христианство проникло затем и в род Чингисхана, чьи представители правили Китаем до 1368 г. Такие степные племена, как киреиты, найманы, джалаиры, онгуты, татары, кипчаки, аргыны, еще в домонгольское время унаследовали многие традиции средневековой уйгурской культуры, а также христианство несторианского толка. Уже на первых порах ключевые посты в империи Чингисхана в системе гражданской власти наряду с киданями и чжурчжэнями занимали и уйгуры. В правление Хубилая уйгуры были самой многочисленной группой среди “сэму” на монгольской службе в Китае.

Доклад *Л.А. Чவர்ь* (ИВ РАН, Москва) был посвящен “уйгурской модели” этнокультурных связей в XIX–XX вв. Рассматривались итоги взаимодействия уйгуров с соседними народами; установлены объективные культурные соотношения между традиционными культурами народов региона. Последовательно сравнивались основные компоненты традиционных культур (в данном случае – костюм, обряды, верования) уйгуров и каждого из окружающих их народов. Каркас объединяющей их модели составляют три основных направления межэтнических связей уйгуров – среднеазиатское, центральноазиатское и дальневосточное. Модель этнокультурных взаимосвязей уйгуров XIX – начала XX в. представляет собой целостную систему и подводит к пониманию исторического места уйгуров в культурном пространстве Центральной Азии. Прежде всего, они были и остаются частью мусульманского Туркестана, самой восточной оконечности исламского мира. Одновременно другую неотъемлемую грань уйгурской культуры составляют черты и признаки, являющиеся последствиями многовековых тесных связей с буддийским историко-культурным ареалом.

Д.В. Дубровская (ИВ РАН, Москва) в сообщении “Династия Цин и уйгуры. Споры по вопросу завоевания Синьцзяна” акцентировала китайский взгляд на проблему владения территориями нынешнего Синьцзяна в традиционной китайской историко-политической мысли. Был проведен обзор отношений Внутреннего Китая и так называемого Западного края (Си-юя), делившегося на Джунгарию и Кашгарию (Восточный Туркестан) со времен китайской империи Хань, и отражения этих отношений в китайских источниках, всегда демонстрировавших два полярных взгляда на проблему – за и против амбиций, направленных на владение Си-юем и оазисами вдоль Великого Шелкового пути.

В конце XIX в. эти направления были персонифицированы в документах двух цинских сановников – Цзо Цзунтана (за завоевание) и Ли Хунчжана (против), возглавивших противостоящие партии в дискуссии, открытой Цинами. В докладе было показано, как сила геополитической аргументации вопреки явно неблагоприятной международной обстановке и приниженному положению Китая, раздраемого амбициями европейских держав и США, привела к проведению крупномасштабной военной кампании, завершившейся отвоеванием и окончательным присоединением Западного края, превращенного потом в провинцию Китая.

К автору доклада обращались участники конференции и аспиранты Университета Дж. Вашингтона с просьбой предоставить материалы и текст презентации. В дискуссии выяснилось, что нынешние ученые КНР отказались приехать на конгресс, утверждая, что Си-юй “принадлежал Китаю всегда” – утверждение, опровергнутое в докладе.

Сессию “**Влияние России и Советов на судьбы уйгуров**” открыл *А.Д. Васильев* (ИВ РАН, Москва). Он рассказал о судьбе Бек-кули-бека, сына Якуб-бека, по данным архивов Российской и

Османской империй. Один из малоизвестных эпизодов касается ситуации, сложившейся в Кашгаре в период правления Якуб-бека, который сумел создать независимое государство в Восточном Туркестане. В 1877 г. после смерти Якуб-бека Бек-кули должен был унаследовать государство от отца, однако из-за внутренних распрей и поражения в войне с китайцами ему пришлось бежать на территорию Русского Туркестана. Впоследствии с разрешения российской администрации он отправился в Османскую империю, где получил аудиенцию у султана, а затем и в Британскую Индию. В архиве Османской империи хранится документ, свидетельствующий о политической ситуации в Кашгаре, написанный Бек-кули для Абдул-Хамида II. Недавно открытые документы из российских архивов раскрывают дальнейшую судьбу Бек-кули-бека. Сравнение документов из турецких и российских архивов помогает проследить эволюцию политических взглядов кашгарского принца, понять мотивы заинтересованных сторон и прояснить некоторые аспекты международной политической интриги в Центральной Азии.

В.А. Бармин (Алтайская гос. пед. акад., Барнаул) выступил с докладом “Деятельность Коминтерна по созданию революционной партии в Синьцзяне в 1920-е годы”. 4 июня 1921 г. на специальном заседании Политбюро ЦК РКП(б) рассматривалось “предложение Я. Рудзутака о формировании Кашгарской и Джунгарской республик” на территории китайской провинции Синьцзян. Однако комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин посчитал проект авантюрой и категорически высказался против этого предложения. Члены Политбюро, включая Ленина, согласились с мнением Чичерина. Но, судя по дальнейшим событиям, идея о революции в Синьцзяне продолжала жить. В одном докладе, представленном Коминтерну, отмечалось, что примерно 500 тыс. уйгуров, мигрировавших в разное время из Синьцзяна, обосновались на территории центральноазиатских республик в 1920-е гг. Около половины из них по-прежнему являлись гражданами Китая. По оценке другого доклада, на территории Русского Туркестана проживало 279 тыс. китайских мусульман. Многие из них вступали в Красную армию и защищали Советскую Россию. В феврале 1923 г. Центрально-Азиатское бюро РКП(б) получило “Меморандум по уйгурскому (кашгарскому) вопросу”, написанный уйгурским коммунистом А. Розыбакиевым, который предложил план создания революционной партии в Синьцзяне. Бюро издало постановление “О работе с уйгурами”, первый пункт которого гласил: “...признать необходимость начать подготовку к свержению революционеров провинции Синьцзян Китая”. Тем не менее в тот же период НКВД завершал интенсивную работу по установлению дипломатических отношений с Китаем. Стало ясно, что в этих условиях любые осложнения в переговорном процессе будут крайне нежелательными. 17 февраля 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, в котором, по сути, признавался тот факт, что отношения с Синьцзяном, основанные на выгоде и преимуществах, которые будут получены при сохранении целостности Китая и существующего государственного и общественного строя в провинции, гораздо предпочтительнее, чем возможность получения тех же преимуществ, но через революционную войну с непредсказуемыми результатами. Идея революционизировать Синьцзян путем формирования партии социалистического типа была на некоторое время отложена, но не забыта. В новых политических и социально-экономических условиях середины 1940-х гг. к ней вернулись.

Выступление В.А. Бармина вызвало вопросы и дискуссию, в частности вокруг тезиса о том, что советское правительство отвергало предложения и идеи революционизировать население провинции или аннексировать Синьцзян. Докладчик в ходе дискуссии убедительно показал, что революционный романтизм и политический авантюризм отдельных деятелей руководства СССР и Коминтерна были отвергнуты прагматиками в правящих кругах советского государства, которые считали, что выгодное торгово-экономическое сотрудничество с провинцией значительно предпочтительнее тех проблем, которые возникнут после ее возможной аннексии.

Доклад *В.С. Бойко* (Алтайская гос. пед. акад., Алтайский гос. ун-т, Барнаул) был озаглавлен “Этничность, конфликты и развитие Синьцзяна в 1910–2010-е гг. в российской, советской и постсоветской историографии”. Россия во второй половине XIX в. вела борьбу с Цинской империей, завоевавшей Западный край (Синьцзян), который в историческом и культурном отношении был частью центральноазиатских земель. Впервые среди россиян исследовательский интерес к Синьцзяну проявили Ч. Валиханов, А. Куропаткин, Л. Корнилов, К. Маннергейм и т.д. Их поездки и полевые работы в большой степени руководствовались военно-политическими соображениями. Исследования Синьцзяна, а также уйгуроведение в России и в других постсоветских республиках в настоящее время выпали из поля зрения широкого круга ученых. Эти темы изучаются и на Алтае – Синьцзян является для России единственным “окном” в Западную пограничную зону Китая. С начала XX в. этот регион стал частью российских/советских страте-

гических схем по внедрению (А. Снесарев) во все китайские политические органы. Хотя Россия не была заинтересована в разжигании сепаратизма в Синьцзяне, она стремилась внедриться туда политически, чтобы контролировать обе стороны советско-китайской границы.

А.В. Бондаренко (независимый исследователь, ранее научный сотрудник ИДВ РАН, Норильск) посвятила сообщение историографии СУАР в России. Российские исследования современного СУАР условно можно разделить на три периода. Первый длился с 1870-х гг. до 1917 г. Изучение Синьцзяна велось в контексте завоевательной политики России в Центральной Азии. Второй период связан с событиями после Октябрьской революции 1917 г. и вплоть до 1949 г. Этот этап во многом был связан с белым движением, представители которого бежали из СССР в Синьцзян, борьбой с ними на территории района, а также прощупыванием возможности отделения Синьцзяна от слабого Китая. Третий период начался с 1990-х гг. Внутреннее развитие Синьцзяна в работах российских исследователей рассматривается в основном через призму национальной и религиозной политики официального Пекина в условиях многонационального и многоконфессионального состава населения района.

Набиджан Турсун в докладе “Этнополитическая ориентация уйгуров и Советский Союз” рассмотрел роль уйгурских интеллектуалов в возникновении и развитии уйгурских националистических движений в первой половине XX в. и советскую национально-политическую ориентацию среди уйгуров. Политика Советского Союза по разделению мусульманских тюркских народов Центральной Азии и Кавказа этническими границами и создание национальных республик в 1924 г. вызвали среди уйгуров желание создать свою республику. Идея национально-освободительного движения была озвучена на Конгрессе революционного уйгурского союза в Ташкенте в 1921 г. Впервые уйгурские интеллектуалы и националисты из Синьцзяна и Советской России собрались вместе для создания организации с политической целью установления уйгурской республики. В результате этнической политики Советской России много уйгурской молодежи в 1920-х и 1930-х гг. обучалось в университетах Москвы, Ленинграда, Ташкента. Это привело к созданию значительной группы уйгурских интеллектуалов в советской Средней Азии в первой половине XX в., сыгравших существенную роль в национально-освободительном движении 1944–1949 гг. и создании Восточно-Туркестанской Республики в 1944 г.

Последний день конференции открылся сессией “**Новые открытия в изучении древней истории и культуры уйгуров**”. Первый доклад прочел *Д.Д. Васильев* (ИВ РАН, Москва). Одним из наиболее масштабных проектов последних лет по исследованию тюркских древностей в Российской Федерации были комплексные исследования окрестностей древнеуйгурской крепости Пор-Бажын в Туве. Сейчас трехлетний период полевых исследований завершен, публикуются итоги различных аспектов изучения памятника. Тем не менее осталось еще немало нераскрытых страниц истории сооружения и функционирования укрепленной летней резиденции древнеуйгурского кагана Моюн-чура на острове таежного озера. Постоянно действующая Эпиграфическая экспедиция Института востоковедения РАН ежегодно проводит изыскания памятников древнетюркской письменности в Южной Сибири. Тюркские рунические надписи были обнаружены и в окрестностях крепости. Семь наскальных надписей уйгурского периода в истории Центральной Азии найдены на горном перевале правобережья Енисея в Туве. Они являются посетительскими заметками на скале святилища. Другая группа надписей была найдена на плитах кургана тагарского типа в северной части Хакасии, по содержанию она может быть отнесена к манихейским молитвенным текстам. Манихейское вероучение было принято уйгурами в середине VIII в. В докладе были предложены варианты прочтения надписей и их источниковедческий комментарий.

Сообщение *С.В. Дмитриева* (ИВ РАН, ИСАА МГУ, Москва) было посвящено изучению уйгурского влияния на правителей Монгольской империи в ранний период ее существования. Ярким примером этого влияния является столица империи Каракорум. Анализ письменных и эпиграфических источников позволяет предположить, что при выборе места строительства будущей столицы, равно как и ее названия, Угэдэй руководствовался мнениями своих уйгурских советников из Турфана, которые и убедили его строить город неподалеку от древней столицы Уйгурского каганата и назвать его именем одной из уйгурских священных гор. Вероятно, это должно было позволить державе Угэдэя возродить мощь Уйгурской империи. Не исключено, что первые монгольские правители рассматривали Уйгурский каганат в качестве образца и полагали себя его наследниками. Именно эту идею должна была символизировать новая столица.

Р. Каримова (Ин-т востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алма-Ата, Казахстан) в докладе “Культовые сооружения уйгуров XIV–XIX вв.: формирование архитектурного стиля” проанализировала стилевые особенности нескольких уйгурских мусульманских культовых сооруже-

ний. Мавзолеем Туглук-Тимур-хана, возведенный в 1363–1369 гг. на могиле первого правителя Могулистана, находится в окрестностях древнего города Алмалык (территория современного СУАР). Архитектурной достопримечательностью города Яркенда является Азна-мечеть, бывшая Жами-мечеть города. Анализ архитектурной композиции, приемов декоративного оформления позволяет отнести этот памятник к концу XIV – началу XV в. Интересным явлением, возникшим на почве культурного взаимодействия в архитектуре Центральной Азии XVIII–XIX вв., стало формирование так называемого китайско-мусульманского стиля, в основе которого лежал синтез традиций восточнотуркестанской исламской и китайской архитектур. Иллюстрацией китайско-мусульманского стиля могут служить мечети в г. Жаркенте (Алмаатинская область Республики Казахстан) и Кульдже (СУАР). Соборная мечеть в г. Жаркенте – уникальное явление в архитектуре среднеазиатско-казахстанского региона и мусульманского Востока в целом.

Доклад *Аблета Семета* (Ун-т им. Георга Августа, Геттинген, Германия) был посвящен новым открытиям в изучении древнейуйгурского текста *Maitrisimit nom bitig*. Первая и вторая рукописи этого буддийского текста были обнаружены в 1906 г. в одной из святых пещер в ущелье Сенгим-Агыз, а затем, в том же году, в соседнем ущелье Муртук в Турфане. В 1956 г. в горном районе Темерти, недалеко от г. Комул, была обнаружена большая часть второй рукописи. В 1974 г. часть второй рукописи тохарского текста А была найдена в Шикшине, рядом с г. Карашар. В 2012 г. в небольшой деревне Нернаси, неподалеку от Темерти, было найдено большое количество мелких фрагментов, принадлежащих к первой обнаруженной рукописи из Темерти. Докладчик рассказал о работе по объединению фрагментов из Темерти с найденными в Нернаси и составлению законченного представления о тексте. Он вспомнил всех, кто занимался *Maitrisimit nom bitig* в течение многих лет: Ф.В.К. Мюллер и Анн-Мари фон Габен, Синаси Текин, Ганс Йоахим Климкайт, Цзи Сянлинь, Гэн Шиминь, Йенс Петер Лаут и Жорж-Жан Пино. С двумя последними он продолжает работу над текстом и сегодня.

Сессия “**Устные и письменные традиции уйгуров с древности до наших дней**” открылась докладом *Долкун Камбери* (Radio Free Asia, Вашингтон, США) “Краткая история уйгурской литературы”. Уйгурские литературные произведения раннего и позднего средневековья в основном представляли собой переводы буддийских и манихейских религиозных книг. В течение последних 100 лет в ходе археологических экспедиций в Турфане и бассейне Тарима были обнаружены новые тексты: поэтические, любовные истории, эпические рукописи и религиозные доктрины, написанные на средневековом уйгурском языке. Средневековые исторические записи и уйгурская литература свидетельствуют, что уйгурская цивилизация имела долгую историю и традиции.

Риан Тум (Ун-т Лойолы, Новый Орлеан, США) в сообщении “Текст и практика в уйгурском исламе” остановился на методологических и теоретических проблемах изучения ислама у уйгуров. Некоторые ученые предполагали, что, поскольку уйгуры практикуют форму суннитского ислама, их практика в целом повторяет контуры суннитского ислама Ближнего Востока. Другие обходят эту проблему, опираясь на этнографические полевые работы, но эти исследования, как правило, игнорируют множество народных религиозных текстов, сформировавших специфическое понимание религии. Уйгурское понимание ислама требует переоценки таких категорий, как сунниты, шииты, суфии и даже самого понятия “мусульманин”. В докладе акцент делался на уйгурских особенностях ислама: определенном и расширенном каноне священных текстов, распространности текстового материала в народных практиках, слиянии веры и этнической идентичности.

Мамтимин Ала (независимый исследователь, Австралия) в докладе “Между утопией и дистопией: уйгурская интеллигенция с 1949 по 2000 г.” рассмотрел социальное положение и политическую роль уйгурских интеллектуалов в Восточном Туркестане. Автор утверждал, что уйгурские интеллектуалы, не сформировавшие до настоящего времени самостоятельного класса или группы, всегда находились в конфликте между призванием служить доминирующей политической власти и стремлением выражать интересы слабых.

Доклад *Т.А. Аникеевой* (ИВ РАН, Москва) был посвящен некоторым мифологическим сюжетам в древнейуйгурской литературе. Элементы древнетюркской пространственной ориентации и некоторые мифологические понятия (например сны, предсказывающие гибель и/или бедствия), относящиеся к традиционной тюркской социальной картине и эсхатологической модели древнетюркской мифологической системы, где смерть государства описывается как конец всего мира, являются частью традиционного тюркского комплексного мировоззрения, которое находит отражение в исторических памятниках и летописях. Сущность этого мировоззрения составляет

система пространственной ориентации. Древние тюрки имели (а некоторые тюркские народы сохранили до наших дней) несколько линейных способов пространственной ориентации, характеризующихся позицией относительно солнца. Эта архаичная тюркская система ориентации весьма стабильна, ее следы можно увидеть на протяжении очень длительного времени, несмотря на исламское влияние в поздних текстах разных жанров, принадлежащих различным тюркским народам.

Уйгуроведческий конгресс, проведенный при участии ключевых фигур уйгурской диаспоры в США, стал сочетанием острополитических выступлений, дискуссий и “круглых столов” и площадкой для выступлений классических историков, культурологов, этнографов, искусствоведов, археологов. Сильное впечатление на организаторов произвела российская делегация, удивившая хозяев симпозиума наличием исследований на темы, только сейчас поднимаемые в западной науке, – отсюда вопрос о необходимости участия наших ученых в подобных конференциях, более частом научном обмене и переводе имеющихся работ. Неизбежная политизированность конгресса остро поставила вопрос о поиске разумного баланса между классическим “отстраненным” уйгуроведением и исследованиями уйгурской современности в нынешней КНР и диаспоре. Этот вопрос для большинства уйгуроведов и китаеведов, занимающихся политической ситуацией в Центральной Азии, требует осторожности, так как связан с отношениями между Россией и Китаем, Китаем и США, Россией и США. Поэтому организаторы пытались сгладить наиболее резкие высказывания, эмоциональность и субъективность докладчиков.

После завершения конференции организаторы в лице руководителя Центральноазиатской программы Института европейских, российских и евразийских исследований ун-та им. Дж. Вашингтона *М. Ларюэль* и профессора Института европейских, российских и евразийских исследований ун-та им. Дж. Вашингтона *Ш. Робертса* выдвинули предложение сделать конференцию ежегодной и провести следующее заседание в 2015 г. в Париже или Стамбуле, а в 2016 г. – в Москве.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА. ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

© 2015

Э.С. КУЛЬПИН-ГУБАЙДУЛЛИН

С 15 по 19 сентября 2014 г. в Крыму, в г. Судаке проходила XXIV научная конференция “**Человек и природа. Проблемы социоестественной истории**”, организованная журналом “История и современность”, Институтом востоковедения РАН, Институтом экологического почвоведения МГУ, Институтом социологии РАН, Центральным музеем Тавриды, Карадагским природным заповедником, Судакским городским советом при участии Федерального университета им. В.И. Вернадского и Крымского инженерно-педагогического университета.

К конференции вышли в свет три сборника статей: Кульпин Э.С. Крымские татары и вызовы XXI века. Сборник статей. Симферополь: ТИ “АРИАЛ”, 2014; Кульпин-Губайдуллин Э.С. Социоестественная история. От метода к теории, от теории к практике. Волгоград: Учитель, 2014; Природа и общество в эпоху перемен / Отв. ред. Э.С. Кульпин-Губайдуллин (сер. “Социоестественная история. Генезис кризисов природы и общества в России”). Вып. XXXVIII). М.: Энергия, 2014 (соредактор Е.А. Борисова).

По желанию руководства города торжественное открытие конференции состоялось в горсовете Судака.

На конференцию были приняты оргкомитетом более 50 докладов, авторы которых – историки, социологи, биологи, философы, психологи, математики, физики. Большая часть докладов корреспондировалась со статьями авторов, опубликованными в журнале “История и современность” в 2013–2014 гг. и сборнике серии “Социоестественная история” за 2014 г. “Природа и общество в эпоху перемен”. По традиции опубликованные материалы не зачитываются, но обсуждаются. В том числе обсуждаются статьи тех участников, которые по тем или иным причинам не имели возможность лично присутствовать на конференции. Данная система позволяет докладчикам сосредоточиться на основных положениях и на детальных пояснениях иллюстративного материала, а диспутантам – вводить в обсуждения и то, что опубликовано.